

10. Ibid. № 2771. S. 200.
11. Ibid. T. 18. № 1636-1637, 1650, 1675-1676. S. 238, 240-242.
12. Ibid. № 284. S. 40; We Lwowie, 1873. T. 4. № 108. S. 190-191.
13. Ibid. T. 18. № 382. S. 58.
14. Ibid. № 425, 1042. S. 64, 157.
15. Ibid. № 573, 778, 930, S. 86, 134, 142.
16. Ibid. № 1947. S. 287.
17. Ibid. № 2650, 2945. S. 391-392, 430.
18. Ibid. № 3067-3068. S. 442.
19. Ibid. № 1184. S. 178 (1479 r.).
20. Ibid. № 3012. S. 437.
21. Ibid. № 2169. S. 318.
22. Ibid. № 2338. S. 341.
23. Ibid. № 2553. S. 377-378.
24. Ibid. № 2554. S. 378.
25. Ibid. We Lwowie, 1901. T. 17. № 2305. S. 263.
26. Ibid. T. 18. № 2477. S. 364.
27. Ibid. № 1043. S. 157.
28. Ibid. We Lwowie, 1906. T. 19. № 619. S. 118.
29. Ibid. T. 18. № 2900. S. 424.
30. Ibid. № 2963, 2981. S. 431, 434.
31. Zrodla dziejowe. T. 18. Cz. 1. S. 112.
32. Ibid. S. 132, 134.
33. AGZ. T. 13. S. 487; T. 18. S. 68, 74, 214, 422, 474, 488, 594.
34. Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980. С. 185.

**СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ
КОНДРАТЬЕВ —**
декан исторического факультета,
доктор исторических наук

УДК 940.1

СВОБОДА ПОДДАННЫХ И КОРОЛЕВСКАЯ ПРЕРОГАТИВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ АНГЛИИ

АННОТАЦИЯ. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы представить основные трактовки свободы и собственности в предреволюционной Англии. Современники давали различные интерпретации этим терминам. Автор статьи стремится их проанализировать.

The purpose of this paper is to describe the main meanings of liberty (freedom) and property in pre-revolutionary England. Contemporaries used these termes in a variety ways. And the author gives the analysis of them.

В официальных документах, судебных и парламентских речах предреволюционной Англии нередко можно встретить термины, которые и сегодня заставляют учащенно биться сердца записных либералов — «свобода», «право», «права» («freedom», «freedoms», «liberty», «liberties», «law», «right», «rights»). Но в отличие от термина «право» (law), юридические трактаты почти не содержат определения «свободы» (liberty). При подчеркнутом интересе современников к своим правам, правоведы — увы! — почти не оставили развернутых характеристик «свободы» в юридических произведениях. Только у У. Ноя и Эд. Кока нам удалось отыскать какие-то дефиниции.

Трактат У. Ноя «Об основаниях и максимах с анализом законов Англии» содержит небольшую главку с показательным названием «Вольности» (Liberties), в которой можно прочесть: «Вольность (liberty) — это королевская привилегия, находящаяся в руках подданного. И поскольку все вольности исходят от короны, то, следовательно, и аннулируются они — как вымороченные (escheat), конфискованные (forfeiture) или подобные тому — после их возвращения короне. Ибо вышестоящий изымает у нижестоящего». Эти «вольности», или привилегии, корона должна предоставлять специальными документами (by special words). К таким привилегиям относится право обладать вымороченным парком, брошенным домом, потерянной вещью, беспризорным ребенком, имуществом потерпевшего крушение корабля. Но оно не может быть распространено на движимость преступников, дезертиров и людей, стоящих вне закона. Изымается привилегия тогда, когда ею пользуются не по назначению (например, торгуют не тем товаром, на который получена лицензия) либо тогда, когда не пользуются вовсе [1]. Очевидно, что истолкование юриста сугубо средневековое. Ибо под «свободами» он подразумевает вольности, права и привилегии, которые подданные получают от короля, кроме того, король дает привилегию не всем, а кому-либо (one). Ему чужда (во всяком случае в этом трактате) при постановке этой проблемы отвлеченность и абстрактность Нового времени.

Однако, если судить по Эд. Коку, идея абстрактных прав постепенно внедрялась в сознание англичан. Хотя она еще предстает у него в окружении средневековых партикулярных вольностей и привилегий, но акцент с фиксации свобод в королевских хартиях и патентах уже смещен на самое английское право. Частная привилегия, считает Эд. Кок, должна отступить перед свободой подданных. Вот как он определяет слово «libertates» в комментариях к Великой Хартии Вольностей. По его мнению, это слово имеет три значения. Во-первых, оно указывает на тождественность libertates английским законам (it signifieth the laws of the realme, in which respect this chapter is called, charta libertatum). Во-вторых, латинское libertates переводится английским «свободы» (freedoms) — «свободы, которые имеют подданные Англии». Эти свободы незыблемы. Они стоят выше привилегий отдельных лиц и сообществ. Например, если сообщество портных предпишет своим членам под угрозой штрафа сдать половину готового платья бесплатно для того, чтобы одеть в него работающих на сообщество рабочих, то «это предписание будет противоречить праву, поскольку оно противоречит свободе подданного, ибо каждый подданный имеет право (freedome) отдавать свою одежду тому, кому он пожелает». По мнению Эд. Кока, любые ограничения торговли, включая выданные короной монопольные патенты, противоречат свободе подданного и праву страны. В-третьих, «liberties» означают пожалования и привилегии, которые подданный имеет из королевского дара». Сюда включено все то, что перечислил У. Ной [2].

Иначе говоря, мы застаем идею свободы на том этапе формирования и становления, когда она начала отделяться от средневековых представлений о даруемых королем подданным и поэтому зависимых от его воли вольностях и привилегиях. Отметим также, что в предреволюционной Англии проблема «вольностей и прав» подданных наиболее отчетливо звучит как антиномия, или дихотомия, королевской власти. Например, в «Апологии палаты общин» можно прочесть следующее: «Прерогативы королей легко могут расширяться и на самом деле расширяются с каждым днем; привилегии же подданных по большей части находятся в одном и том же неизменном положении. Эти привилегии при большой предусмотрительности и заботе могут быть сохранены, но если они когда-либо утрачиваются, то восстанавливаются лишь с большими трудностями» [3]. Корона нередко пыталась распорядиться частью имущества подданных как своим собственным. Поэтому существование проблемы соотношения и противоречия власти и свободы отчетливо осознавалось современниками. Это была та историческая дихотомия, которая, как заметил бы Эрих Фромм, уничтожается в результате деятельности самих людей [4]. Не наша задача судить о том, сколько исторического времени требуется для этого. Как известно, англичанам не хватило семнадцатого века для ее разрешения. Среди всех составляющих либеральной мысли две нам представляются наиболее важными — это идея о незыблемости собственности и идея о личной свободе, о том, что собственность и свобода защищены законом и могут быть отчуждены только посредством установленных процедур. Вокруг этих двух идей велись наиболее интенсивные дискуссии в судах и парламенте. Как ни странно, но именно в конкретных судебных тяжбах идея свободы предстает в наиболее абстрактном виде. Причем в условиях начала XVII века, когда королевская власть постепенно ставила под свой полный контроль деятельность судов общего права, в дискуссиях отчетливо звучала мысль о недопустимости изменения законов, форм собственности, установления налоговых и других обложений без согласия подданных, выраженного в парламенте.

Мы помним, что У. Лэмбард, Дж. Девис и Т. Хедли приходили к заключению, что появление неравенства среди людей и собственности стало первопричиной создания государственности [5]. Добавим к этому, что, по мнению Дж. Селдена [6] и Д. Селтерна, чувство собственности пришло к людям не постепенно, а было присуще им изначально. Чувство собственности является одним из естественных законов. Д. Селтерн писал: «Я не могу согласиться с мнением, высказанным Грацианом, что все вещи по естественному праву были общими. Напротив, я держусь того, что различия в объемах собственности (*distinction of properties*) было установлено Всемогущим Богом изначально, было впечатано (*imprinted*) им в законы и в природу... Это явствует из жизни Каина и Авеля, которые были владельцами полей, земель, овец, плодов и населенных жителями городов, а также из историй Авраама, Иова и других патриархов, в которых упоминаются покупки, продажи и различные преступления, наказываемые по закону» [7].

Как правило, противники произвольных обложений и арестов ссылались на знаменитую 29 статью (в редакции Генриха III) Великой Хартии Вольностей, которая, как известно, гласит: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владений, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны». Что касается самой истории использова-

ния хартии, то кратко отметим, что хроника Матфея Парижского, где приведен полный вариант хартии, была заново открыта антиквариями в конце XVI-начале XVII вв. К этому времени уже сложилась традиция обращаться к одному из первых подтверждений хартии, а именно к подтверждению Генриха III и считать его статутом. Сама хартия в редакции Генриха III была издана на латинском языке в собрании статутов 1508 г. А в 1524 г. появился ее английский перевод. Но даже после обнаружения хроники и полного текста хартии обращение к ним с правовой точки зрения оказалось затруднительно, поскольку хроника не считалась источником права [8].

Эд. Кок очень высоко оценивал эту статью. То, что никто не может быть заключен в тюрьму иначе, как по закону страны, означает, подчеркивал он, по общему праву, статутному праву и обычаю Англии. Это служит «веским доводом» в пользу того, что несправедливо заключенный должен по закону быть освобожден (*he should by law be relieved therein, if he be wronged*), «поскольку свобода для человека ценнее всего остального». Кроме того, по королевскому иску любой человек должен судиться только в Королевской скамье, но не каким-либо другим судьей. Далее. Не может быть торговли «правосудием или правом» (*justice or right*), никому не может быть отказано в «правосудии или праве», не может быть отсрочено исполнение «правосудия или права» [9].

В настоящей работе мы остановимся на одном судебном разбирательстве. Естественные ограничения, накладываемые на жанр статьи, не позволяют нам привлечь материалы других судебных тяжб. Отметим только, что в судебной практике предреволюционного времени подобного рода дел было гораздо больше.

Дело Оливера Сент-Джона, или дело о беневоленсах. Если верить Эд. Кокку, беневоленсы, т. е. «добровольные дары», впервые собрал в Англии Эдуард IV (1461 — 1483). Готовясь к войне с Францией и уже получив незадолго до этого от парламента субсидию, он не мог обратиться вновь к представительному органу с просьбой о помощи. Поэтому он собрал «самых богатых своих подданных, чтобы объявить им о своей нужде и... потребовать от каждого из них определенные суммы денег», которые он затем получил. С тех пор беневоленсы стали одним из источников пополнения королевской казны. Их легитимность была подтверждена в 1598 г. на конференции судей общего права, которые заявили, что «добровольный дар королеве (Елизавете Тюдор — С. К.), взимаемый без принуждения, законен» [10]. В 1614 г. Яков I распустил «гнилой парламент» до того, как коммонеры выделили испрашиваемые им субсидии. Казна была пуста. Финансисты Сити отказались предоставить займ. И тогда по предложению лорда-казначея Томаса Ховарда, графа Суффолка корона приступила к рассылке писем подданным с настоятельной просьбой выплатить «добровольные дарения» [11]. Видимо, в Англии к этому времени уже сформировалось мнение, что беневоленсы могут постепенно превратиться в собираемый короной без санкции парламента регулярный налог. В ходе последовавшего сбора некто Оливер Сент-Джон, житель городка Мальборо, графство Уилтшир, написал мэру города, а затем опубликовал специальное письмо против беневоленсов. Автор вскоре был арестован. Его дело разбиралось в Звездной Палате.

Оливер Сент-Джон, несмотря на созданный судьями прецедент, утверждал, что «беневоленсы противоречат праву, разуму и религии». Он ссылался на Великую Хартию Вольностей, которая гласила, «что ни один свободный человек не может быть обездолен иначе, как по законам страны».

Поэтому любая помощь, свободные дары могут взиматься только «с согласия всего королевства» [12].

Генеральный атторней Френсис Бэкон защищал на этой встрече позицию короны. В своей речи он приводил часто используемый людьми короны аргумент о том, что монархи не всегда имеют возможность воспользоваться парламентской процедурой предоставления помощи, поскольку парламенты работают нечасто. Король, по его мнению, может обращаться за помощью к подданным непосредственно и получать ее. «Подданный обращается с петицией и к королю в парламенте, и к королю вне парламента. Король, со своей стороны, оказывает милости подданному в парламенте, но так же он может оказывать и предоставлять их вне парламента. И поэтому нет сомнений в том, что подданный может предоставить королю помощь и в парламенте, и вне парламента» [13].

К сожалению, мы не располагаем источниками, позволяющими осветить позицию других участников судебного заседания. Отметим только, что подданные выражали неудовольствие по поводу требования предоставления беневоленсов в последующем. Например, Уолтер Рэли в одном из диалогов, используя дело Сент-Джона, довольно прозрачно намекал Якову I на необходимость отказаться от сбора беневоленсов. Он, кроме того, обращался к традиционному для людей короны сопоставлению Англии и Франции. Его диалог содержит вопрос: почему английский король не должен использовать те же способы собирания денег с подданных, которые вовсю практикует король во Франции? Ответ одного из участников чрезвычайно прост: гражданские войны во Франции часто вспыхивали из-за «внепарламентского обложения, в то время как Англия сторонилась этого, во всяком случае до недавнего прошлого». У.Рэли прозорливо пишет, что такая практика опасна для самой монархии. Ибо сила Франции заключена в высшем дворянстве (*great lords*), а сила Англии — в ее подданных и «любовью их не следует пренебрегать» [14]. Требование отказаться от практики сбора беневоленсов содержалось и в знаменитой Петиции о праве 1628 г. [15].

Итак, в раннестюартовской Англии существовали совершенно определенные представления о содержании и объемах прав подданных. Юристы полагали, что общее право призвано охранять вольности и права от посягательств со стороны королевской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Noy W. A treatise of the principal grounds and maxims, with an analysis; of the Laws of England. Lincoln's Inn, 1821. P. 141
2. Coke E. Institutes of the Laws of England. London, 1797. Pt. 2. P. 47
3. Constitutional Documents of the Reign of James I /Ed. By J. P. Tanner. Cambridge, 1990. P. 222
4. Фром Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 49
5. Подробнее об этом см.: Кондратьев С. В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996. Гл. 2
6. Эта мысль выражена Дж.Селденом в трактате "О владении на море" (Of the dominion or ownership of the sea. London, 1652), который нам не доступен. См. об этом: Sommerville J. P. Politics and Ideology in England, 1603-1640. London, 1986. P. 146
7. Saltern G. Of the antient lawes of great Britain. London, 1605. F3
8. Подробнее об этом см.: Thompson F. Magna Carta: Its Role in the Making of the English Constitution, 1300-1629. Minneapolis, 1948. P. 215-240. 29 ст. Хартии Генриха III соответствует 39 ст. в Хартии Иоанна Безземельного. См.: The Great Chapter of Henry III //Thompson F. Op. cit. P.380; Петрушевский Д. М. Памятники истории Англии XI-XIII вв. М., 1936. С. 1-6. Что касается произвольных арестов, которых не допускало общее право, то их осуществляли прерогативные суды, в частности, Звез-

дная Палата и Высокая Комиссия. Некоторый материал об этом приведен в нашей работе: Кондратьев С.В. Юристы в предреволюционной Англии. Шадринск, 1993. С. 63-78

9. Coke E. Institutes. Pt. 2. P. 45-46

10. Coke E. Reports of Sir Edward Coke, Knight / Ed. by Y. H. Thomas, Y. F. Fraser. London, 1826. Vol. VI, Pt. 12. P.363-365

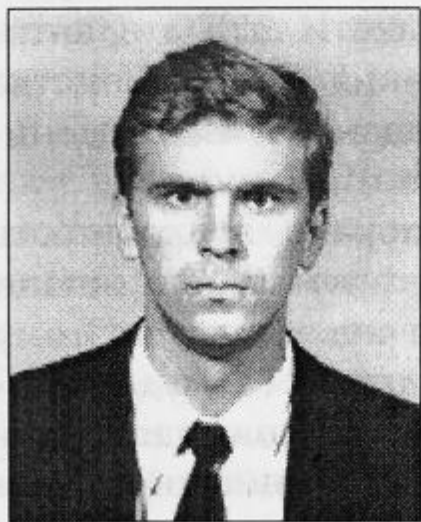
11. Lockyer R. The Early Stuarts. A Political History of England, 1603-1642. London, 1989. P. 85

12. Complete Collection of State Trials /Ed. by T.V.Howell. London, 1816. Vol. II. P. 900. Речь идет о все той же 29 статье (в редакции Генриха III) Великой Хартии Вольностей.

13. Ibid. P. 903

14. Raleigh W. The Prerogative of Parliament proved in a Dialogue between a Counsellor of State and a Justice of the Peace // Harleian Miscellany. London, 1809. Vol. V. P. 194, 202, 207

15. The Constitutional Documents of the Puritan Revolution, 1625-1640 /Ed. by S.A.Gardiner. Oxford, 1951. P. 66

**ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ
БОБРОВ —**

*старший преподаватель кафедры
всеобщей истории
исторического факультета*

УДК 27(4)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕВРЕЕВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ О ХРИСТИАНСТВЕ

АННОТАЦИЯ. В представленной статье на основе анализа средневековых еврейских источников и сведений, содержащихся в научной литературе, делается попытка реконструкции представлений евреев средневековой Европы о христианстве. Рассматриваются истоки данных представлений и тенденции их эволюции в Средние века.

In this article the author makes an effort to reconstruct Middle Ages European Jew's notions of Christianity by means of Middle Ages Yew sources and information from scientific literature. The author examines the sources of these notions and tendencies of their evolution in Middle Ages.

Христианско-иудейский спор об истинности своих представлений прошел красной нитью через все средневековье, и отголоски его слышатся и в наше время. Христианская церковь называет себя «новым Израилем», «Израилем во духе», а иудеев — от «отринувших Бога» до «богоубийц». В европейско-христианской культуре довольно хорошо известны наши собственные представления об иудаизме, постараемся же присмотреться к представлениям противоположной — иудейской — стороны именно в тот период, когда христианско-иудейский спор был особенно актуализирован.